

ЗАВОДСКАЯ ПАШНЯ В СНАБЖЕНИИ ПРОВИАНТОМ НЕРЧИНСКИХ ЗАВОДОВ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 03-01-00878а.

В статье исследуются формы и методы снабжения провиантом мастеровых и служащих Нерчинского горного округа в составе кабинетского хозяйства. Оно осуществлялось путем принуждения и насилия по отношению ко всем категориям зависимого населения заводского ведомства. Особое внимание уделено длительному сохранению в Восточном Забайкалье наиболее архаичной формы эксплуатации приписных крестьян в виде отработки на заводской пашне.

Организация бесперебойной работы на заводах и рудниках кабинетского хозяйства в Сибири, являвшегося собственностью российских императоров на помещичьем праве, в значительной степени зависела от обеспечения мастеровых и служащих продуктами питания. Основное место среди них занимал хлеб.

Накануне включения казенных Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство в 1787 г. там сложилась такая ситуация, что «за неимением в казне провианта» в один день на 10 вышедших на работу приходилось 15 неявившихся «за бесхлебицею» [1. Оп. 20. Д. 272. Л. 40].

Для заводских нужд провиант до 1787 г. горным начальством добывался разными путями. Их пытался использовать и Кабинет. По указу Екатерины II от 1 февраля 1788 г. и «Наставлению» от Кабинета при Газимурском и Кутомарском заводах были созданы Павловская и Ивановская пашни, на которые посадили, освободив от заводских работ, ссыльных (35 и 18 чел.), обеспечив их средствами на обзаведение хозяйством.

Дело это оказалось очень хлопотным. Часть выданного на посев семенного зерна была съедена посаженными на пашню ссыльными. В 1790 г., когда степь выгорела и не было естественного корма, семенной хлеб пришлось частично потратить на корм лошадям. Ежегодно ссыльными «посажеными на пашню» хлеба выращивалось меньше, чем ожидалось. Пока ссыльные не имели хлеба собственного производства, им приходилось выдавать одиноким – по 2, семейным с тремя детьми – по 3, имевшим более детей – по 4 пуда хлеба в месяц. В Ивановском селении «за ленивость», «неприлежание к казенной пашне» наказали лозами несколько поселенцев, однако это не способствовало улучшению дела с развитием заводского хлебопашества.

В том же 1788 г. близ Кутомарского завода поселили нескольких мастеровых Кутомарского и Нерчинского заводов и Кличкинского рудника для занятия хлебопашеством. Им дали время на приготовление к будущей зиме сена, отвели покосы, лес «на построение дома» и возведение хозяйственных построек. В течение зимы 1788–1789 гг. их обязали обзавестись всеми инструментами, «коими земледелие производится должно».

С весны 1789 г. им предстояло начать обработку земли, приготовив по 1 дес. под посев. Еще по 1 дес. они должны были засеять весной 1790 г. На приобретение лошади и сельскохозяйственного инвентаря посаженным на землю мастеровым дали по 25 руб. на человека с условием возврата их через три года деньгами или хлебом.

Со всех поселенных взяли подписку о «хорошем поведении и нечинении накакого зла», пригрозив в против-

ном случае наказанием и «возвращением их по-прежнему в работы». Холостым приказали весной жениться. Семейным пообещали перевести и их детей также в поселщики. В конце октября 1788 г. поселенцы получили деньги на обзаведение хозяйством. Один из них купил лошадь и сбежал на ней.

К поселщикам приставили «с заводской стороны» смотрителя. Он ежемесячно рапортовал о «домостроительстве и упражнениях хлебопашцев». Из среды поселенцев был выбран староста, обязанный обеспечивать «исправную обработку хлебопашцами» отведенной земли, засев, жатву и сдачу выращенного урожая смотрителю. Нерадивых староста должен был наказывать «выговором» и отсылать в заводские работы [2. Д. 279. Л. 102–105, 114, 156, 159, 192, 194, 208, 209].

С 1789 по 1794 г. поселщики высевали по 2 дес. В 1794 г. в связи с неурожаем одна десятина «впредь до лучшего урожая» с них была снята. По определению горной экспедиции от 21 января 1797 г. их снова обязали обрабатывать в пользу заводов по 2 дес. [1. Д. 536. Л. 25об.]; на протяжении 1796–1806 гг. они собрали урожай с заводской пашни в 14 514 пудов овса. В те же годы поселщики из ссыльных собрали 18 447 пудов овса. Всего мастеровыми и поселщиками за 11 лет было получено при заводах 32 961 пуд овса, менее 3 тыс. пудов в год, что не решало проблемы обеспечения казенных лошадей фуражом [1. Д. 760. Л. 265; Д. 761. Л. 566–567; Д. 344. Л. 30].

Основную ставку в снабжении заводов провиантом и фуражом Кабинет делал на заводскую пашню, которую обрабатывали приписные крестьяне. Она появилась еще в 20-е гг. XVIII в. Приписные крестьяне Восточного Забайкалья разделили участь государственных крестьян Сибири, которые обрабатывали десятинную пашню в пользу собственника земли – государства. Приписные крестьяне за право пользования землей на территории Нерчинских заводов, находившихся тогда в собственности казны, обрабатывали казенную пашню, урожаем с которой поступал на заводы и рудники.

В начале 60-х гг. XVIII в. государственные крестьяне были освобождены от обработки десятинной пашни, так же как и от внесения отсыпного хлеба, и переведены на уплату денежного оброка. Прошло 25 лет, но Кабинет сохранил существовавшую к моменту передачи в его ведение Нерчинских заводов казенную пашню. С 1787 г. приписные крестьяне обрабатывали заводскую пашню в размере 2 дес. на 1 рев. душу. Им выдавалась плата в 1 руб., установленная в 1765 г. Она равнялась оброку, который взимался в пользу владельца Нерчинских заводов в виде отработки на заводской пашне.

На казенную пашню определялись «лучшие» крестьяне, так как «скудные и своей пашни весьма мало» имели, хотя «к размножению ее от здешней канцелярии строго принуждались» [1. Д. 191. Л. 6]. В 60–70-х гг. XVIII в. на казенной пашне было занято от 1/6 до 1/12 от общего числа крестьян. Уже тогда ставилась задача увеличения числа крестьян для работы на казенной пашне. В 80-е гг. к ее решению горное начальство вернулось вновь, так как со стороны заводов и рудников предъявлялся все возрастающий спрос на провиант и фураж. Но увеличение числа крестьян для обработки заводской пашни было сопряжено с большими трудностями. Мастерские и крестьяне составляли всего 1/3 часть от необходимого числа их для нужд горнозаводского производства [1. Д. 271. Л. 138 об.].

В 1787 г. на заводской пашне было занято около 600 крестьян, прибыли с нее, по свидетельству начальника заводов, получили почти «столько же, сколько сеяно». Кабинет потребовал «учредить казенное хлебопашество на местах лучших», в противном случае выгоднее будет заготавливать хлеб «покупкою нежели столь великое количество людей вместо заводских работ занимать бесполезным хлебопашеством». Общая площадь засеянной крестьянами заводской пашни в 1787 г. составила 1 192 дес. [2. Д. 275. Л. 2].

Осенью следующего 1788 г. из-за непрерывных дождей вместо 1882 дес. на заводской пашне засеяли лишь 577 3/8 дес. рожью. С крестьян взяли подписки о возмещении ими «недосева» посевами ярицы весной 1789 г. Смотрители, приставленные к пашне, сетовали на трудности в контроле за работой крестьян, сохранностью хлеба в казенных магазинах. Весной 1789 г. Нерчинская горная экспедиция выделила еще 32 человека в смотрители и караульщики [2. Д. 282. Л. 34, 35, 40, 45, 46, 49].

За 3–4 года до включения Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство крестьяне Нерчинской и Стретенской округ добились разрешения вместо обработки пашни вносить отсыпной хлеб. Горнозаводская администрация согласилась на это при условии сдачи за каждую душу по 25 в Нерчинской и по 40 пудов хлеба ежегодно в Стретенской округах. При этом им обещали дать на посев казенные семена, но многим не дали, и при заготовлении под посев земля осталась незасеянной. Начальство же требовало внесения отсыпного хлеба. Крестьяне оказались вынужденными рассчитываться с казной купленным в разных местах хлебом. Он обошелся им с доставкой по 80–90 коп. пуд, а заводы заплатили за него стретенским крестьянам по 2 1/2 коп., нерчинским – по 4 коп. Потеряв на каждом пуде по 76–87 1/2 коп., крестьяне заплатили в счет зачитаемого им в подушный оклад отсыпного хлеба от 20 до 30 и даже 35 руб., для чего вынуждены были продавать лошадей, скот [1. Оп. 43. Д. 334. Л. 22–25]. В 1785 г. с части других крестьян также стали взимать отсыпной хлеб рожью и ярицей (20 и 40 пудов с души). Заводская пашня сократилась вдвое, но продолжала сохраняться. Переходу к взиманию отсыпного хлеба могло способствовать и снижение урожая с казенной пашни почти в 4 раза по сравнению с 1783 г. [1. Д. 760. Л. 213–214].

Заводская администрация, видимо, рассчитывала на более гарантированное поступление провианта за счет хлеба, получаемого крестьянами в их собственных хо-

зяйствах. Кабинет решил сохранить взимание отсыпного хлеба в качестве главного источника получения провианта и фуража, тем более что в самый канун перехода Нерчинских заводов в его ведение, как и ранее, урожай с казенной пашни оказался мизерным. В 1786 г. он составил всего 9 тыс. пудов. Однако от взимания отсыпного хлеба Кабинету пришлось отказаться из-за больших недоимок, которые к 1789 г. составили около 40 тыс. пудов [1. Д. 398. Л. 15об.].

По требованию Кабинета горное начальство усилило внимание на развитие хлебопашества силами крестьян. За первые 3 года после перехода Нерчинских заводов в ведение Кабинета общая площадь заводской пашни выросла до 3 264 дес., но урожай с нее вырос не намного, с 11 321 до 17 978 пудов. К 1790 г. площадь заводской пашни составила 3 700 дес. Тогда же, отказавшись от взимания отсыпного хлеба полностью, ежегодно на заводскую пашню стали определять 1 882 чел.

Кабинет продолжал считать «усиление при заводах» заводской пашни «единственно верным пособием в продовольствии заводских людей» [1. Д. 514. Л. 4]. Однако обеспечить мастеровых и служащих Нерчинских заводов хлебом, производившимся на заводской пашне, не получилось, хотя усилий к этому на протяжении десятилетий было приложено немало. Поэтому горнозаводской администрации приходилось изыскивать иные пути снабжения заводов и рудников провиантом и фуражом.

Как и на Алтае, часть хлеба закупалась у приписных крестьян по ценам, установленным горным начальством, что оно само признавало. Приписными крестьянами Восточной Сибири, как и на Алтае, продавать хлеб не на заводские нужды запрещалось. Если они это все же делали, то только тайно от властей [1. Д. 289. Л. 864; Оп. 43. Д. 616. Л. 17].

В 90-е гг. XVIII в. много хлеба в заводское ведомство (почти 1/2 от всех закупок) поставляли купцы А. Старков, Е. Суханов, П. Шумилов, Соболевы, П. Черняев, Н. Байбородов и др. По отдельным годам наблюдались очень большие колебания в объеме поставляемого купцами и закупаемого командированными от заводов людьми провианта [1. Д. 236. Л. 788–835].

Часть хлеба закупали с давних пор сами мастеровые и служащие у нерчинских крестьян, находившихся еще на положении государственных. Приписка крестьян к заводам вела к резкому сокращению объема продаваемого ими хлеба для заводов и рудников. На территории заводского ведомства закупка хлеба у приписных крестьян производилась в 9 пунктах. Но покупать там нередко было совершенно нечего. При наличии у крестьян хлеба для продажи они были заинтересованы сбывать его не для заводских нужд из-за низких цен, которые устанавливало горное начальство. А нередко им нечего было продавать. В неурожайные годы крестьяне питались «кореньем травяным с великою нуждою». Без увеличения закупок хлеба за пределами заводского ведомства обойтись было невозможно во избежание остановки заводов.

В 1817 г. начальник заводов С. Аистов сообщал в Кабинет, что у крестьян «скрытым образом» скупается хлеб для вывоза из заводского ведомства «с большою передачею в ценах против закупки заводским начальством», «крестьяне мало объявляют в продажу посланным для

закупки от заводов чиновникам», надеясь выгоднее продать хлеб скупщикам, отчего «заводы и не могут закупкой в своей округе и даже в довольно урожайные годы достаточно обеспечить в провианте» [1. Д. 536. Л. 3].

До 1817 г. на протяжении многих лет заводское начальство предпринимало много попыток, направленных на исключение утечки хлеба за пределы территории Нерчинских заводов. Крестьяне продавали провиант для войск. В начале XIX в. начальник заводов Элерс докладывал управляющему Кабинетом А.Д. Гурьеву об оставшемся от 1803 г. на заводах до 76 тыс. пудов провианте при годовой потребности в нем до 110 тыс. пудов. С запасом на 1805 г. в 1804 г. требовалось закупить всего 144 тыс. пудов. 16 тыс. пудов должны были вернуть крестьяне, бравшие на посев семена. Это, естественно, еще не значило, что они могли их вернуть. 128 тыс. пудов предстояло купить зимой и летом 1804 г. в Иркутске и Верхнеудинске. Горное начальство надеялось и на закупки в самом заводском ведомстве.

В начале XIX в. положение со снабжением заводов провиантом осложнилось последствиями неурожайного 1800 г., когда не оставалось никаких запасов в заводских магазинах, пайки мастеровым были сокращены, а членам их семей прекратили выдачу хлеба совсем. Мастеровые стали получать пайки овсом. Несмотря на выделение дополнительно до 100 тыс. руб. на покупку провианта, закупить его в необходимом количестве не представлялось возможным. Цена на хлеб резко выросла. Несколько улучшилось положение после того, как на Иркутского военного губернатора Лебедева высочайшим повелением было возложено изготовление провианта. На это, кроме специально для этого выделенных 200 тыс. руб., были отпущены еще и заводские деньги.

Неурожай в районе нерчинских заводов были нередким явлением, но 1800 г. оказался одним из самых тяжелых по своим последствиям после 1785 г. В том году провиант доставали где только могли достать и спешно развозили по рудникам и заводам. Многие питались травами и кореньями, мешали хлеб с древесной корой. Последствия неурожая 1800 г. сказывались еще через два года. Крестьяне, бравшие семена на посев, вернуть их не могли. А те жители заводского ведомства, у которых к 1803 г. появились излишки хлеба, стремились продать его пограничным войскам в два с лишним раза дороже, чем они могли получить от заводских контор. В полтора раза дороже платили крестьянам за хлеб поселщики. Начальник Нерчинских заводов Элерс писал в Кабинет, что из заводского ведомства уходит провиант для войск и по более высоким ценам его продолжают покупать поселщики, в то время как для заводов было закуплено всего 8 тыс. пудов.

Видов на хороший урожай из-за позднего сева и засухи летом 1804 г. не ожидалось. В начале сентября еще и половины выросшего хлеба не успели собрать. Из-за продолжительной засухи поздно началась заготовка сена. Элерс просил военного губернатора Лебедева о ссуде 20 тыс. пудов хлеба из Верхнеудинского уезда, «дабы заводы не обнажать совершенно хлебом». 10 тыс. пудов провианта заводы получили от приказа общественного призрения из Иркутска. Начальник заводов ездил в Иркутск просить о беспрепятственном дозволении провиантским комиссионерам заводов закупить 90 тыс. пудов

отдельно для Петровского завода, где совсем не было заводской пашни.

Пока провиант закупался, Элерс просил выдачи хлеба заимообразно до 35 тыс. пудов из магазинов Верхнеудинского уезда, «городовых» магазинов. Он просил хотя бы на время вывести из заводского ведомства войска, также о запрете закупки в заводском ведомстве хлеба для войск и поселщиков. Ему удалось добиться запрещения вывоза хлеба из заводского ведомства на 1805 г.

Хлеб в Иркутске стоил 70–80 коп., в летнее время цена на него поднималась до 1 руб. 70 коп. за пуд. Заводские комиссионеры получили задание приступить к закупке хлеба не ранее, «чем установятся от губернского правительства цены». В Иркутском уезде ожидался хороший урожай и имелись основания надеяться на понижение цен.

Управляющий Кабинетом предложил вывести за Байкал в хлебородные места расквартированные в Нерчинском округе войска, оставив там 669 чел., которые числились в Нерчинской штатной горной команде. Их вполне достаточно было, по мнению управляющего, для поддержания «внутренней тишины». Он считал также необходимым разрешить начальнику заводов изготовление провианта в любых местах Иркутской губернии, где он найдет удобным, и по ценам, «признанным от него за выгоднейшие». При этом требовалось уведомлять губернское начальство «о делаемых им распоряжениях... дабы оно зная, где сколько положено закупить для заводов хлеба», могло оказать в этом деле заводским комиссионерам содействие.

На закупки провианта в заводском ведомстве зимой 1804 г. рассчитывать не приходилось. Убранного с полей приписных крестьян хлеба было недостаточно «даже для общего народного продовольствия».

В январе 1805 г., когда уже стало известно, что имеющегося на заводах и рудниках продовольствия хватит только до июля, Сибирский генерал-губернатор И.О. Селифонтов получил распоряжение за подписью Александра I вывести из заводского ведомства определенную в 1797 г. в Нерчинский край команду Селенгинского полка и распределить ее на квартиры в разных местах Иркутской губернии. Генерал-губернатору также было дано задание принять меры к созданию при Нерчинских заводах двух годовых запасов провианта и добиться прекращения закупки провианта в Нерчинском регионе для войск.

В марте того же 1805 г. Нерчинская горная экспедиция выдала обергиттенфервальтеру Черниговцеву ордер, согласно которому «Нерчинский уезд, прилегающая к нему часть Верхнеудинского уезда по правую сторону реки Селенги от впадения в нее Хилки до самого Байкала и по правую сторону Хилки» объявлялись местами «собственно для продовольствия Нерчинских заводов». Здесь «горные комиссионеры могли производить покупку хлеба во всякое время беспрепятственно по ценам, добровольно земледельцами постановляемым». В случае, если закупщики провианта не успеют его приобрести в указанных местах, они могли свободно покупать «и по сю сторону Байкала» в Иркутском и Верхнеудинском уездах, «а равно и в городах Верхнеудинске и Иркутске». Городские, земские суды, частные комиссионеры и волостные начальники должны были оказывать заводским комиссионерам величайшую помощь [3; 4. Оп. 20. Д. 44]. Л. 1, 2, 25, 42, 64–66, 68, 121, 122, 134, 160, 209, 287].

В то же время возлагались надежды на увеличение поступления хлеба от приписных крестьян, производивших его для заводов. Во избежание больших расходов, связанных с организацией контроля за работой крестьян на заводской пашне, с 1806 г. была предпринята попытка перевести их на обработку 2 дес. в пользу заводов при «их жительствовах и пашнях». Но в 1813 г. вернулись к тому, что было прежде – к работе крестьян на отдельных от их полей пашнях «под общим с казенной стороны смотрением». В то же время часть крестьян обрабатывала заводскую пашню, находившуюся на еланиях рядом с крестьянскими полями. Однако площадь ее с каждым годом сокращалась. С 634 7/8 дес. в 1813 г. она уменьшилась до 192 1/2 дес. в 1821 г. [1. Оп. 20. Д. 536. Л. 79об., 80].

С лета 1820 г. в дополнение к 1 882 крестьянам, работавшим на заводской пашне, еще 188 крестьян заставили поднимать залог под пашню. В течение следующих 10 лет Кабинетом предусматривалось увеличение общей площади заводской пашни в 2 раза. Это должно было сопровождаться ежегодным увеличением числа крестьян, занятых ее обработкой, на 188 чел. Однако вскоре крестьяне разных волостей стали просить об освобождении их от подъема залогов из-за их «весьма бедственного состояния». Среди 188 крестьян оказались безлошадные, за которых «нанималась пахота из общественной мирской суммы». Весной 1821 г. волостной голова Уровской сотни от имени всех крестьян сообщил горной экспедиции, что из-за постоянных дождей летом предыдущего года крестьяне не сумели заготовить сена в достаточном количестве. Заготовленное же почернело, от чего во время отбывания подводной гоньбы и при перевозках на заводах и рудниках погибло много лошадей. Многие крестьяне, занятые обработкой заводской пашни, стали безлошадными и «не в силах будут исправлять собственной своей пашни». Волостной голова просил не вводить дополнительного расположения крестьян на обработку заводской пашни и дать возможность произвести посев собственного крестьянского хлеба «без умаления».

В Уровскую волость был направлен чиновник Таскин, подтвердивший «совершенное малоимение у крестьян лошадей». По его наблюдениям, крестьян, имевших 1–2 лошади «сверх угольной и рудной возок», заставляли обрабатывать до 1 дес. заводской пашни. На тех же лошадях они еще отправляли подводную гоньбу, заготавливали и доставляли домой сено, дрова. На крестьян, имевших «посредственное число лошадей», приходилось от 2 до 4 дес., обработку которых они производили после окончания перевозок руды или угля «притомившимися лошадьми». Крестьяне пахали землю, сеяли и убирали хлеб на заводской пашне раньше, чем на собственной. С последней «или плоше в урожае бывает или по позднему засеvu к повреждению морозами подвергается». К тому же заводские еланы от селений крестьян были «немало удалены», как и от селений, куда крестьяне ездили для получения семян на посев. Прибавка заводской пашни настолько «отяготительна для крестьян», что скоро они дойдут до совершеннейшего упадка, заключал Таскин.

От Стретенского волостного правления также поступила просьба не увеличивать на 40 чел. число крестьян, занятых производством хлеба на заводской пашне. На тех

же основаниях, что и крестьяне Уровской сотни, жители Стретенской волости убедительно просили не доводить их до крайнего истощения. Они писали, что и без прибавки 40 чел. работа на заводской пашне обременительна для всех жителей волости.

Горная экспедиция согласилась с тем, что введение «добавочной пашни в настоящем их состоянии... не только тягостно, но и исправить оную они возможности не имеют, не быв до крайности разорены». Она предложила Кабинету до утверждения предложений «Об улучшении заводов» повременить с расширением заводской пашни. В середине июля 1821 г. в новом рапорте горной экспедиции Кабинету сообщалась просьба крестьян Аргунской, Газимурской волостей об освобождении их от дополнительной заводской пашни.

Кабинету пришлось считаться с активным противодействием крестьян. Заставить их расширить заводскую пашню было много труднее, чем принуждать к выполнению заводских работ. «Недоработку» прошлых лет на заводах можно было переносить на будущие годы, а обработка заводской пашни требовала выполнения всего цикла сельскохозяйственных работ только в текущем году. Кабинет вынужден был учитывать и реакцию крестьян на попытки расширения заводской пашни, и реальные возможности приписной деревни. Для нее и в прежнем размере заводская пашня была крайне разорительной, что признавало само горное начальство.

19 августа 1821 г. Кабинет наложил на рапорты горной экспедиции резолюцию с предписанием начальнику заводов внимательно разобраться с заключением горной экспедиции, а также с просьбами крестьян, волостных правлений. Если все окажется так, как доносит горная экспедиция, Кабинет рекомендовал расширение заводского хлебопашества отложить «до другого удобного времени». Просьбы крестьян об освобождении от определения на заводскую пашню дополнительно к ранее работавшим на ней 1 882 чел. еще 188 чел. не были удовлетворены. Но новые прибавки уже не последовали, Кабинет на это не решился. Общее число крестьян, занятых обработкой заводской пашни, осталось на уровне немногим более 2 тыс. чел.

Работа на заводской пашне, по оценке самих крестьян, была тяжелее заводских работ. Каждый крестьянин должен был засеять 1 дес. яровыми, 1 дес. озимыми; сжать, смолотить и сдать хлеб в казенный магазин, до жатвы и молотьбы – охранять посевы от потравы и воровства. Крестьяне работали на пашне под присмотром караульщиков и смотрителей, содержавшихся на жаловании Кабинета. Им помогали служители, потерявшие способность работать на заводах. Смотрителей же представляли и к казенным магазинам. Во время молотьбы хлеба для присмотра за крестьянами присылались еще и офицеры с солдатами. По окончании жатвы пристав и присланный из заводской конторы человек производили контрольный умолот, по показаниям которого от крестьян и требовали сдачу хлеба с каждой десятины пашни. Из крестьянской среды избирались сроком на 1 год старосты, смотрители, караульщики, которые также должны были обеспечивать контроль за работой односельчан на заводской пашне [1. Оп. 20. Д. 526. Л. 36, 54, 62–72; Д. 389. Л. 15об.].

Работа на заводской пашне требовала от крестьян огромных затрат материальных средств, физических сил, времени. Считалось официально, что один человек может вспахать, засеять и заборонить 2 дес. за 12 дней, сжать хлеб и положить его в клади за 18 дней, смолотить и отвезти в казенные магазины за 8 дней, вспахать и приготовить землю к будущему засеву за 8 дней, высушить в снопах хлеб, огородить поля за 14 дней. Всего по официальному признанию на обработку заводской пашни за 1 душу уходило до 60 дней в году [5. С. 159; 1. Оп. 43. Д. 796. Л. 59].

В первые же годы после включения Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство стали поступать жалобы крестьян на то, что «заводское хлебопашество» для них «совершенно разорительно». Им приходилось оставлять «собственное свое земледелие в такое время, когда самой посев наступает», до июня «для уробатывания заводских посевов ездят на те земли от домов своих» за 5, 10, 50 и даже 60 верст. В одно лето крестьянину приходилось по несколько раз ездить на заводское поле, чтобы вспахать и подготовить землю к посеву, посеять, огородить, сжать хлеб, сложить его в скирды, обмолотить и отвезти в магазин. На одни проезды уходило по 15–30 дней [1. Оп. 43. Д. 334. Л. 7–8]. Дни проезда не входили в официально признанное горнозаводской администрацией время, необходимое крестьянам для работы на заводской пашне за 1 душу.

По крестьянским жалобам можно составить представление, во что обходилась им обработка заводской пашни. Одна из таких жалоб поступила в 1820 г. от жителей Аргунской волости. По ревизии в ней числились 3 124 души, из них малолетних – 1 235, престарелых и больных – 310, умерших и взятых в рекруты – 126, «годных» к работе – 1 453. В волости имелось 2 560 рабочих (менее двух на одного работника) лошадей. 305 крестьян с 1–2 лошадьми работали на заводской пашне, находившейся в 6–7 верстах от места их жительства. Одну десятину крестьянин вспахивал и засеивал за 7 дней в близких местах. Жители отдельных селений, где не родился озимый хлеб, засеивали яровыми по 2 дес., на что уходило весной до 15 дней, не считая времени на проезд до пашни и обратно. С опозданием, «на усталых лошадях» крестьяне производили посев на своих полях, а затем с 10 июля приступали к подготовке почвы на паровых землях заводского поля к будущему севу. Иногда и новые земли поднимали, для чего приходилось предварительно вырубать лес, очистить поле, на что уходило не менее 10 дней. Затем к 2- и 3-кратной прополке, а в августе после перепашки паровых земель сеяли озимый хлеб, заборонивали поле, после чего начинали жать яровой хлеб. Пока сжатый хлеб не уложат в скирды, караулили его; во время дождей просушивали в суслонах, высушенный хлеб вывозили с полей в «остожье», клали его в скирды. С наступлением зимы крестьяне начинали молотить хлеб. Работа на заводской пашне начиналась с 20-х чисел апреля и с перерывами для работы в собственном хозяйстве крестьянина заканчивалась в декабре.

Крестьяне без всякой платы давали смотрителям лошадей, выделяли из своей среды 12 чел. «для караулу» в казенные магазины. Шестеро из них, как и старшина из крестьян и смотрители, получали жалование из казны, остальные 6 чел. получали от крестьянского общества по

10 руб. в год. Кроме того, за счет общества каждому из 12 крестьян давалось на пропитание по 12 пудов хлеба. За всех них государственные подати, заводские работы оплачивало общество.

Для сокращения времени пребывания на заводской пашне аргунские крестьяне нанимали в караул у снятого урожая. Это «пахотной» душе обходилось по 40–50 коп. Некоторые крестьяне «всю годовую казенную пашню обработку по дальности проезда на оную или по болезни своей» нанимали вместо себя, платя при этом 50–60 руб., чтобы успеть засеять на своем поле «более раннего посева», от которого получали лучший урожай. Продав выращенный на своем поле хлеб, крестьяне рассчитывались с «наемниками» за работу на заводской пашне [1. Оп. 43. Д. 798. Л. 2–4, 16об.].

По предложению нового начальника заводов Бурнашева в начале 20-х гг. XIX в. крестьянам за обработку 1 дес. казенной пашни стали платить за каждую засеваемую десятину по 4 руб. и за «подпарковую» – по 2 руб. [1. Оп. 43. Д. 798. Л. 82; 6. С. 114].

Еще в конце XVIII в. с обработкой заводской пашни сложилось такое положение, при котором ни один крестьянин фактически 2 дес. полностью не обрабатывал, так как не справлялся с этим. Поле, выделенное для обработки одним крестьянином, нередко делили на несколько человек из разных семей, члены которых не входили в число определенных для работы на заводской пашне. Среди них оказывались и безлошадные крестьяне, вынужденные нанимать других крестьян вместо себя для работы на заводском поле. Найм в ближних местах обходился в 5 руб., в отдаленных – от 10 до 20 руб. Когда под пашню поднимали новые земли, только за вспашку 1 дес. по найму крестьяне платили от 7 до 10 руб. [1. Оп. 20. Д. 763. Л. 383; Д. 344. Л. 114; Оп. 43. Д. 334. Л. 9]. Судя по жалобе крестьян Аргунской волости, в первой четверти XIX в. затраты их, связанные с обработкой заводского поля, заметно возросли.

За недостаточное усердие в обработке заводской пашни крестьян жестоко наказывали. Иван Харин, избитый в июне 1819 г. по приказу ротного при Нерчинском заводе штабс-капитана Рика, скончался через 11 дней [2. Д. 629. Л. 477, 478, 524; Д. 497. Л. 255]. Наказаниям подвергались крестьяне, уличенные в краже казенного хлеба. Они часто увозили с поля хлеб в снопах, обмолачивали его по ночам, старались «обшипивать колосья», при молотье прятали хлеб в измельченную солому, иногда ухитрялись украсть немного хлеба из сданного после молотьи в казенный магазин [2. Д. 848. Л. 83–84; 1. Оп. 20. Д. 760. Л. 142]. Случалось, что с казенным хлебом попадались и смотрители. В 1790 г. за кражу хлеба был прогнан сквозь строй в 500 чел. Гаврила Серетник. Ему приказали возместить краденный хлеб купленным на свое жалование. В 90-е гг. XVIII в. за кражу казенного хлеба, «слабое смотрение при хлебопашестве», «растрату казенного хлеба», «непорядочное исправление должности и неизмерение пашен», за взятки с крестьян, работавших на заводской пашне, семерых смотрителей наказали шпицпуденами, батогами, палками по 3–4–5–6 раз [2. Д. 282. Л. 190; Д. 354. Л. 321–330].

Управляющий Кабинетом Д.А. Гурьев, считавший сначала возможным создать продовольственную базу для

заводов и рудников Восточной Сибири за счет заводского хлебопашества, вынужден был затем признать: «мерсия никогда не могла быть ни удовлетворительна, ни надежна» [1. Оп. 20. Д. 441. Л. 117об.].

В 20-е гг. XIX в. потребности заводов и рудников в провианте определялись уже 140 тыс. пудов. Кроме того, на фураж заводским лошадям и быкам требовалось в год до 25 тыс. и более пудов овса [6. С. 113]. Как уже отмечалось, попытки обойтись овсом, производившимся служителями и заводскими поселщиками, не дали положительных результатов. В начале 20-х гг. XIX в. при заводах и рудниках с площади в 97 1/2 дес. можно было получить всего около 1800 пудов овса [1. Оп. 20. Д. 760. Л. 196]. При крайней неустойчивости урожая потребности заводов и рудников в провианте и фураже не покрывались за счет урожая с заводской пашни. В отдельные годы «с нуждою» собирали семена, а в неурожайном 1800 г. убыток составил 1221 пуд. [1. Оп. 20. Д. 519. Л. 102–103; Д. 760. Л. 196, 213, 214; Д. 400. Л. 4–6].

Несмотря на то что Кабинетом «деланы были многократные подтверждения тамошнему начальству о всемерном распространении» не только крестьянского, но и заводского хлебопашества, успехов в этом не замечалось. Причина, по мнению Кабинета, объяснялась не только неблагоприятными климатическими условиями, она состояла и «в малом радении крестьян» [1. Оп. 43. Д. 810. Л. 3].

Когда в начале XIX в. возник вопрос о возможности введения института непрременных работников, и на Нерчинских заводах, как на Урале, положительное решение его оказалось нереальным в значительной мере из-за отсутствия в Восточной Сибири условий для снабжения непрременных работников провиантом. Именным указом Сенату от 9 сентября 1800 г. велено было «учредить в оных (Нерчинских заводах. – А.Ж.) непрременных заводских работников на таком же основании, как и на уральских оные ввести предполагается». 23 июня 1803 г. было решено «Нерчинские заводы оставить на существующем донныне основании до того времени, пока самым опытом не будет удостоверено о пользе непрременных служителей по уральским заводам». Большую роль при решении вопроса о возможности перехода и использовании на Нерчинских заводах труда непрременных работников сыграло то, что Кабинет и горное начальство учитывали огромные трудности, которые могли возникнуть в связи с необходимостью обеспечить их провиантом.

С 1807 г. каждому непремному работнику на уральских заводах полагалось выдавать провиант «без денежного взыскания» на него самого и его семейство, а конному еще овес «для содержания лошадей». Начальство Нерчинских заводов решило, что «снабдевать заводы толь многозначительным запасом провианта každогодно» не удастся. Провиант до этого всегда приходилось закупать в отдаленных до 2 тыс. верст местах, доставлять его гужевым транспортом, что еще больше удорожало его [1. Оп. 43. Д. 796. Л. 2, 2об.].

Тогда же не нашли «никаких средств и ни малейших возможностей» для отмены заводской пашни, отработку которой в «Положении о работах на Нерчинских заводах...» среди заводских работ поставили на первое место. Хотя заводское хлебопашество не стало основным

источником пропитания для мастеровых и служащих Нерчинских заводов, пойти на отмену его Кабинет не решился, несмотря на то что совершенно очевидным было и его пагубное влияние на развитие хозяйства приписных крестьян. Этого не отрицало начальство Нерчинских заводов. А что касается крестьян, они жаловались на тяжесть отработки заводской пашни и писали: «Сколько бы ни были отяготительны заводские работы, не сравнить их с повинностью хлебопашества». Даже горное начальство вынуждено было признать, что среди «прочих работ» казенное хлебопашество «есть наизатруднительнейшая» [1. Оп. 20. Д. 763. Л. 387об.].

Назначенный в 1817 г. начальником Нерчинских заводов С. Аистов еще до прибытия на место был извещен о крайне бедственном положении приписных крестьян. Но он питал надежду на то, что сумеет принудить их к развитию хлебопашества как на заводской пашне, так и в их собственном хозяйстве. В 1817 г. крестьяне на своих полях имели в среднем по 2 дес. посевов на 1 рев. душу. К 1825–1826 гг. они сократились до 1 1/3 дес. [1. Оп. 20. Д. 523. 1.3; Д. 614. Л. 3об.]. В результате обнищания крестьян, их постоянного противодействия сохранению заводского хлебопашества попытки Кабинета если не расширить, то хотя бы законсервировать в достигнутых размерах заводскую пашню, не увенчались успехом. К середине 20-х гг. XIX в. общая площадь ее сократилась вдвое, а в 1832 г. ее отменили полностью [6. С. 114–115].

Как уже отмечалось, еще до отмены заводской пашни потребности заводов в провианте удовлетворялись в основном покупаемым за пределами заводского ведомства. Часть провианта продавали для заводов приписные крестьяне – как и в районе Колывано-Воскресенских заводов, провиант у Нерчинских крестьян покупали по принудительным ценам. Регистратор Алексей Бродовиков, который по заданию горного начальства вел журнал учета покупаемого для заводов провианта, 31 ноября 1790 г. сделал от себя любопытное примечание: «С заводской стороны положена за всякой хлеб цена, ниже которой уже никто не продаст» [1. Оп. 20. Д. 30. Л. 115–115об.; Д. 236. Л. 335–335об.].

Закупаемый для Нерчинских заводов хлеб поступал в основном из Иркутска, Верхнеудинского уезда. Доставка провианта нередко обходилась дороже покупки. Кабинет вынужден был выделять до 140 тыс. руб.; в отдельные годы до 200 тыс. руб. на приобретение провианта главным образом за пределами заводского ведомства. Только с 1804 по 1819 г. на его закупку Кабинет затратил свыше 2 млн руб. [1. Оп. 43. Д. 310. Л. 3об.; Д. 796. Л. 13об.; 14].

Таким образом, после перехода Нерчинских заводов в ведение Кабинета проблема снабжения их провиантом и фуражем не стала менее острой, чем она была до 1787 г. С включением Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство снабжение заводов и рудников провиантом принудительными методами сохранилось.

Кабинет стремился как можно дольше сохранить наиболее архаичную форму эксплуатации крестьян в форме отработки на заводском поле. В этом нашла отражение попытка Кабинета решать сложную проблему снабжения заводов и рудников провиантом и фуражем без больших

затрат за счет эксплуатации крестьян в наиболее грубых формах, одной из которых являлось заводское хлебопашество. Сохранение и значительное расширение его в то время, когда государственные крестьяне Сибири уже с 60-х гг. XVIII в. были переведены на денежный оброк, находилось в явном противоречии с объективными потребностями приписной деревни. Развитие крестьянского хозяйства в ней тормозилось отрывом жителей приписной деревни на выполнение заводских работ или на обработку заводского поля.

Не справляясь с работой на заводской пашне, крестьяне боролись за ее отмену. Они писали жалобы, оказали активное противодействие предпринятой в 20-е гг. XIX в. Кабинетом попытке расширить заводское хлебопашество. Можно считать, что их борьба тогда закончилась победой, так как Кабинет смог только на 1/10 часть выполнить из того, что им намечалось в плане дальнейшего расширения заводской пашни. Программа, рассчитанная на 10 лет (с 1820 г. предусматривалось ежегодное добавление к 1882 крестьянам, работавшим на заводском поле, по 188 чел.), разбилась о решительное сопротивление крестьян. Кабинету пришлось ограничиться лишь одной «прибавкой», а затем пойти на отмену заводского хлебопашества вообще. Это был вынужденный для него шаг, не входивший в его планы.

Ликвидация заводского хлебопашества, безусловно, должна была положительно сказаться на развитии крестьянского хозяйства. Установленная Т.И. Агаповой и Г.П. Жидковым прямая связь между отменой заводской пашни и увеличением крестьянской запашки в 30-х гг. XIX в. несомненна [5. С. 163; 7. С. 92–100].

Отработка на заводской пашне для крестьян была более обременительной, чем заводские работы. Признание этого факта не только самими крестьянами, но и горнозаводской администрацией, начальством Нерчинских заводов находится в противоречии с утверждением: «Работа на пашне считалась более легкой, чем на заводах...» [8. С. 278].

Политика запрещения крестьянам, имевшим излишки хлеба, продавать его за пределами заводского ведомства, установления принудительных цен на хлеб, продаваемый крестьянами для заводов и рудников, была также продиктована стремлением Кабинета свести до минимума затраты на приобретение провианта у крестьян. Это также создавало серьезные препятствия на пути реализации продуктов крестьянского хозяйства и тормозило его дальнейшее развитие. Кабинетское хозяйство паразитировало не только на экономике приписной деревни, но и на экономике государственной деревни Сибири. Государственные крестьяне при активном содействии со стороны губернских правлений вынуждены были продавать комиссионерам Нерчинских заводов продукты своего хозяйства по более низким (по сравнению с рыночными) ценам.

Данные о посевах крестьян в 30-е гг. XIX в. свидетельствуют о благотворном влиянии на их хозяйство отмены заводской пашни. За период с 1835 по 1841 г. из расчета на 1 работника размер посевов увеличился с 3,1 до 4,4 дес., заметно выросла общая площадь посевов крестьян [7. С. 96; 2. Д. 1036. Л. 623–641, 766–767, 832–838].

В процессе осуществления методов принуждения приписных крестьян кабинетского хозяйства и других районов страны было много общего. Крестьяне кабинетского хозяйства и заводов Урала, Карелии отработывали намного больше нормы, определенной подушным окладом. Трудоспособным приходилось выполнять работу за больных, умерших, взятых в рекруты, престарелых, беглых, зачастую во время сельскохозяйственных работ. У крестьян вымогались взятки деньгами и натурой во время приема выполненной работы. Выполнение заводских работ по найму крестьянам обходилось в несколько раз дороже, чем они засчитывались по плакатным ценам [9. С. 59, 60, 62, 148, 151; 10. С. 77–109].

Вместе с тем норма эксплуатации крестьян в кабинетском хозяйстве была выше, чем у приписных крестьян Урала и Карелии. Во время пребывания на заводских работах крестьяне Урала, кроме прохожих, получали на льготных условиях провиант для себя и фураж для лошадей [11. С. 43; 12. С. 53]. Приписные крестьяне кабинетского хозяйства этого не имели. Горнозаводское начальство с большой неохотой шло на выдачу голодающим крестьянам хлеба в неурожайные годы с условием возврата его из будущего урожая. В феврале 1822 г. с разрешения горного начальства выдали на время пребывания на заводской работе Нерчинским крестьянам по 3 пуда хлеба, причем только тем из них, у кого совершенно не было в доме хлеба перед уходом на работу. С позволения начальника Нерчинских заводов в 1834 г. по 10 фунтов провианта выдавали в течение нескольких месяцев крестьянам Аргунской волости, у которых, по свидетельству управителя, дети «в чертах лица от голоду сильные изменения имели» [2. Д. 808. Л. 510; Д. 848. Л. 347].

Крестьяне Урала и Карелии не знали принуждения их к снабжению заводов и рудников провиантом. Заводские конторы Урала закупали хлеб в приписной деревне у крестьян «с вольного торгу», для Олонекских заводов Карелии – за пределами заводского ведомства [10, 13, 14].

Стиль взаимодействия Кабинета и приписных крестьян в решении вопроса снабжения заводов и рудников провиантом имеет важное значение для определения их социальной сущности. Совершенно очевидная жестокая эксплуатация в приписной деревне кабинетского хозяйства в Сибири являлась следствием принадлежности его царствующим императорам на помещичьем праве [15–19]. При этом особо следует отметить, что приписные крестьяне кабинетского хозяйства оказались в худшем положении, чем помещичьи крестьяне оброчных имений Европейской России [20. С. 340].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российский государственный исторический архив*. Ф. 468.
2. *Государственный архив Читинской области*. Ф. 31. Оп. 1.
3. *Именной*, данный Иркутскому военному губернатору указ от 30 сентября 1802 г. «О предохранении Нерчинского края от недостатка в хлебе» // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. первое. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20439.
4. *Именной*, данный Тобольскому, Томскому и Иркутскому генерал-губернаторам указ от 13 января 1805 г. «О снабжении Нерчинских заводов хлебом» // ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. XXVIII. № 21590.

5. *Агапова Т.И.* Казенное хлебопашество во второй четверти XIX в. // *Сибирь периода капитализма.* Новосибирск, 1967. Вып. 3.
6. *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1973.
7. *Жидков Г.П.* Кабинетские и приписные крестьяне Забайкалья в первой половине XIX века // *Забайкальский краеведческий ежегодник.* Чита, 1969. № 3.
8. *Крестьянство Сибири* в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982.
9. *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII в. (к вопросу о формировании пролетариата в России). М.: Изд-во МГУ, 1979.
10. *Балагуров Я.А.* Приписные крестьяне Карелии. Петрозаводск, 1962.
11. *Вагина П.А.* Политика правительства по отношению к крестьянству // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале: Материалы научной конференции. Свердловск, 1963.
12. *Козлов А.Г.* Приписные крестьяне при казенных заводах Урала (XVIII – начало XIX вв.) // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале: Материалы научной конференции. Свердловск, 1963.
13. *Кондрашенков А.А.* Из истории развития земледелия на Урале во второй половине XVIII в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале: Материалы научной конференции. Свердловск, 1963.
14. *Томсинский С.М.* Расслоение уральской деревни в связи с развитием мануфактуры (первая половина XVIII в.) // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* Л., 1973.
15. *Жеравина А.Н.* К вопросу об освещении истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири в современной историографии // *Некоторые вопросы отечественной истории в советской историографии.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989.
16. *Жеравина А.Н.* Законодательство дореформенной России как источник для определения природы кабинетского землевладения в Сибири // *Проблемы источниковедения истории Сибири.* Барнаул, 1992.
17. *Жеравина А.Н.* Поступления в «комнату Е.И.В.» из кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) // *Актуальные вопросы истории Сибири.* Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 6–7 октября 1999 г. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000.
18. *Жеравина А.Н.* Исследования второй половины 80–90-х гг. XX в. о природе кабинетского хозяйства на Алтае // *Актуальные вопросы истории Сибири.* Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 5–6 октября 2001 г. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002.
19. *Жеравина А.Н.* «Золотое время» государственного бюджета России второй половины XVIII в.: мифы и реальность // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири.* Четвертые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. 7–8 октября 2003 г. Кн. II. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 2003.
20. *История крестьянства в Европе.* В 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1986.

Статья представлена кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 26 декабря 2003 г.